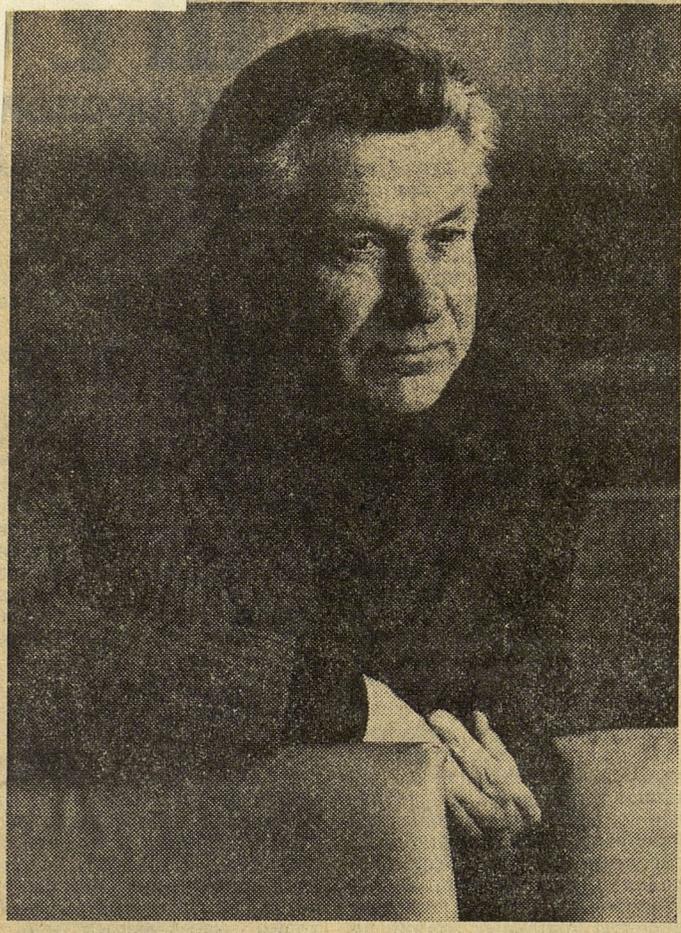

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
МОСКВА
3 ОКТ 1981

5

люди искусства
**СОРОК
МГНОВЕННИЙ
ВЕСНЫ**

С. КАЗИМИРОВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств БССР

...Я перебираю личный архив Александра Александровича, читаю рецензии, журнальные статьи, отклики на гастрольные спектакли в Москве, в других культурных центрах нашей страны. Трудно поверить, что речь идет об актере без школы, который сформировался как художник, можно сказать, на ходу, в самые трудные годы военного лихолетья. Откуда у актера такая высокая речевая культура, такая внутренняя одухотворенность, такой скупой и точный отбор выразительных средств, такая профессиональная отточенность и завершенность каждого образа...

...Лето 1941 года. 17-летний Саша Шаланов только что окончил десятилетку. В школе он был душой драмкружка. В 9-м и 10-м классах уже свел прочную дружбу с Ижевским русским драматическим театром и часто участвовал в массовых спектаклях. Ижевским театром тогда руководил Александр Брониставович Скибневский, известный впоследствии режиссер и педагог, профессор Харьковского театрального института. Он сразу же обратил внимание на юношу с горящими глазами, относящегося к каждому бессловесному выходу на сцену, как к священнодействию. А юный Саша мечтал тем временем о театре. Он никогда никем не хотел быть — только актером. Но на рассвете воскресного июньского дня грянула война. Мечта о театре сменилась мечтой о фронте. Но ему тогда было только семнадцать. К тому же в театре подел творческий состав. Почти все молодые актеры ушли в армию. Тогда-то Скибневский и вспомнил о Саше Шаланове и пригласил его в труппу.

Вот он сидит передо мной, очень молодожавый, рано поседевший, коренастый человек с мягкими чертами лица, смотрит на меня чуть прищуренными глазами, почти не реагирует на мои вопросы и неожиданно заявляет: «Этика!». Да, развивает он свою мысль, и отдельный актер, и театр в целом начинается, живет, достигает подлинных творческих высот только тогда, когда он исповедует самые высокие этические принципы.

Шаланов волнуется, подробно рассказывает о той атмосфере высокой художественной требовательности и взыскательности, которую сумел создать Скибневский в коллективе Ижевского драмтеатра. Многому он научил Шаланова за шесть лет непрерывного творческого общения. Враг дилетантства, любительщины, приближенности в искусстве, он учил артиста мыслить на сцене, постигать тайны раскрытия «жизни человеческого духа», будил фантазию

артиста, давал волю творческому воображению. Учил конкретно — от роли к роли, от спектакля к спектаклю. Слушая сейчас Шаланова, я подумал: да, у него нет театрального диплома, но школа есть, прекрасная школа русского реалистического психологического театра, преподанная ему умным режиссером и чутким педагогом.

Его творческий и эстетический максимализм нередко приводил к серьезным творческим конфликтам. Первое десятилетие сценической деятельности Шаланова, связанное с Ижевским театром, оказалось наиболее «оседлым» периодом в его творческой биографии. Орджоникидзе, Челябинск, Томск, Хабаровск, Красноярск... За три, четыре, максимум пять сезонов в каждом из этих городов Шаланов неизменно оказывался в центре наиболее значительных спектаклей театра, легко завоевывал любовь зрителя. Казалось, нет никаких оснований для перемен мест, но причин всегда оказывалось более чем достаточно. Шаланов никого не винит и ни о чем не жалеет. Возможно, что он ошибается, но он не склонен считать положительным качеством длительное пребывание актера в одном театре, тем более на периферии. Не каждому дано долгие годы поддерживать живой интерес зрителя к своему творчеству. А самого его то увлечет в другой город интересное знакомство с талантливым и своеобразным режиссером, то предложат ряд интересных и сложных ролей в новом репертуарном плане другого театра.

Одним словом, приходится только удивляться, откуда в душе современного артиста столько мятежного и романтического пристрастия к переменам мест, пристрастия, характерного для доброго старого русского актерского племени — романтиков и скитальцев.

Десять лет тому назад артист Шаланов приехал на гастроли в Москву с Красноярским краевым драмтеатром им. А. С. Пушкина. К тому времени он уже был, конечно, зрелым мастером сцены, признанным исполнителем многих центральных ролей в советской драматургии, в русской и мировой классике. Я убежден, что стать творческим лидером на сцене этого театра дано далеко не каждому даже очень хорошему актеру. Шаланов был таким лидером все годы своего пребывания в Красноярске.

Читаю рецензии, рассматриваю фотографии и невольно думаю: что общего между грубоватым, мужественным и прямодушным русским боярином Иваном Петровичем Шуйским из «Царя

Федора Иоанновича» и крупным хирургом Федором Бороздиным из пьесы В. Розова «Вечно живые», человеком крутого нрава, огромной силы воли, выдержки, которому все же не удается скрыть ни свое доброе сердце, ни юношескую пылкость чувств? Что общего у мечтателя, философа, фантазера Томаса Мора из пьесы современного английского драматурга Роберта Болта «Человек на все времена» с суровым кадровым офицером, советским генералом Бондарем из пьесы А. и П. Тур «Перебежчик», человеком смертельно усталым, посевшим в боях, но сохранившим чисто русскую удаль и обладающим счастливым даром проникать в самые глубокие тайники человеческой души?

Ведь для каждой из этих ролей артист находит свой точный пластический рисунок, его неповторимый внутренний мир. Это целая галерея очень разных и очень глубоких психологических портретов.

Отлично владея искусством сценического перевоплощения, Шаланов легко узнаваем в каждой роли. Актер очень скупой пользуется внешними атрибутами. Но умение находить неповторимый способ существования в каждой роли, в каждой пьесе, умение почувствовать стиль автора, аромат и атмосферу эпохи, сочетать скрупулезную индивидуальность образа с силой социального обобщения — именно это покоряет зрителя в творчестве Шаланова.

Иркутский период творческой жизни А. Шаланова начался шесть лет тому назад. Театр открывал сезон так называемой производственной пьесой — «Своей дорогой» Р. Ибрагимбекова. Именно в этом спектакле иркутяне впервые увидели нового актера в центральной роли крупного советского хозяйственника, опытного и смелого руководителя коллектива, человека с высоким чувством ответственности не только за производство, но и за людей, за их внутренний мир, за их веру в коммунистические идеалы.

Глубокий цинизм, омерзительную бездуховность, подлинно клинический распад личности раскрыл Шаланов в образе Ивана Коломийцева в «Последних» М. Горького. Виртуозно и гротесково была им вылеплена фигура галантного «идеолога» потребительской «философии» Аристарха из «Энергичных людей» В. Шукшина. Гневно и страстно прозвучал со сцены иркутского театра публицистический спектакль «Интервью в Буэнос-Айресе» по пьесе Г. Боровика. И главная заслуга тут принадлежит Шаланову, исполнителю роли буржуазного чилийского журналиста Карлоса Бланко, ставшего трагической жертвой собственной аполитичности. Артисту удалось в этой роли сомкнуть открытую публицистичность с глубоким психологизмом.

Творческих удач было много. Это и живописный средневековый Росс из «Макбета» Шекспира, мудрый и лукавый Кутузов из «Давным-давно» А. Гладкова. Это и скользкий демагог, и лицемер, юркий и суетливый Резаев из пьесы А. Казанцева «Старый дом».

На периферии ведущие актеры играют много, и всех ролей не перечислить. Но все это можно назвать движением по горизонталю. Правда, движением на высоком уровне сценического опыта, на сцене высокого уровня актерского мастерства. Но вот в конце прошлого театрального сезона на иркутской сцене состоялась премьера спектакля «Синие кони на красной траве». Первая встреча Александра Александровича с образом Ленина состоялась 15 лет тому назад. Это был спектакль «Между ливнями» А. Штейна. Тогда еще не могли себе представить, что может существовать актерское воплощение образа Ленина без портретного грима, костюма, без таких знакомых жестов, поз, интонаций, без всего того, что в это время было гениально открыто первопродцами советской театральной Ленинианы Борисом Щукиным и Максимом Штраухом.

Раскрывая величие и глубину ленинской мысли, актер проявил способность к такой глубокой духовной концентрации, что совсем по-иному стал восприниматься масштаб его собственной личности.

Артист... И какие бы титулы и звания ни предшествовали этому слову, оно будет всегда самым главным...

ИРКУТСК.
● Артист Александр Шаланов.
Фото Б. Дмитриева.

241